

Карина Кантимирова

ШИЗА

повесть

*Как друг, я Вам не советую
читать эту книгу, и опять же, как друг,
строго рекомендую прочесть.*

Первый критик

Карина Кантимирова

Шиза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22058931

ISBN 9785448330421

Аннотация

Любовь исцеляет?.. Не всех и не всегда. Иногда любовь – это болезнь, которую едва ли можно вылечить. Но, несмотря на это, она не перестает быть чем-то прекрасным. Если любовь – болезнь, то ей стоит заболеть... Герой этой книги никогда не задумывался о подобных вещах. Но судьба распорядилась так, что он как никто другой понял их смысл...

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1. Встреча	6
Глава 2. Забвение	17
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Шиза

Карина Кантимирова

© Карина Кантимирова, 2016

© Данила Кантимиров, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-3042-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Стоит отметить, что я сама всегда пропускаю главы типа «Предисловие» или «Благодарности» в книгах, так как считаю их до крайности скучными и неинтересными. Как мне кажется, автор всегда пишет их скорее для себя, нежели для читателя. Поэтому моё предисловие будет коротким и исключительно для тебя, мой случайный читатель.

Мне бы хотелось сразу развеять мысли о том, что эта книга очередной сахарный роман. Нет, эта книга скорее сахарное гипертрофированное страдание, которое может создать для себя только сам его обладатель. Мораль этой книги – у любой вещи есть две стороны, прекрасная и ужасная. Какую выбрать? Каждый решает сам. Но человеку, как правило, проще выбрать ужасную, но очевидную сторону. Все в вашей голове... Надо всегда помнить об этом.

И разумеется, я хочу выразить огромную благодарность своему мужу, за то, что эту книгу увидят люди после четырех лет её бесполезного «лежания» на жестком диске.

Даня, огромное спасибо, что ты веришь в меня и поддерживаешь во всех начинаниях. Это очень важно.

Глава 1. Встреча

Впервые я встретил её, когда ей было пятнадцать. Она ехала в автобусе. Был, кажется, ноябрь. Ненавижу этот месяц. Снега нет, а на улице холодно, сыро и уныло. Все куда-то спешат, бегут. Лица понурые и задумчивые. В автобусах запотевают окна... Едешь как в каком-то коконе, в окружении таких же несчастных как и ты. Но она не была несчастной. Может, поэтому я её и заметил.

От неё пахло весной... Свежей, тёплой весной. Не замечая пьяного мужика, который вальяжно развалился на соседнем месте, она будто пребывала в каком-то своём мире. И там, я почти уверен, в этом её мире сейчас был разгар весны.

Навскидку я дал ей лет семнадцать. Лицо было накрашено не сильно, но достаточно, чтобы косметика могла придать ей лишнего возраста. Она была в каком-то нелепом сером пуховике непонятной формы... Он был коротким. В таком можно ходить в октябре, но а сейчас слишком холодно. Из-под пуховика торчал фиолетовый вязаный свитер. Джинсы были широкими и какими-то мальчишечьими... Сапоги без каблука... Да какая девушка сейчас носит такие?.. Длинный полосатый шарф был небрежно обмотан вокруг шеи. Чёрная вязаная шапочка налезала на глаза, и она часто её поправляла...

Я смотрел на неё и думал о том, как она беззаботна, счаст-

лива, не испорчена.

Мы подъехали к остановке. Женщина, сидящая рядом со мной, вышла, и в автобусе появилось свободное место. Как же я хотел, чтоб эта девушка села рядом со мной. Но она была так задумчива, что, казалось, даже не видела свободного сидения... Позвать её и предложить сесть? Но она стоит слишком далеко. Не орать же, как дураку... Но я хочу, чтоб она села рядом. Очень хочу. Наверное, это странное, непонятно откуда появившееся желание находиться с ней рядом, было самым сильным за всю мою жизнь. Оно, кстати, так и не пройдёт... Никогда... И даже сейчас я чувствую полную пустоту, хотя прошло уже много времени. Но её рядом нет, и пустота не уходит. А тогда...

Если бы тогда всё сложилось иначе, и она всё-таки не под села бы ко мне?.. Что было бы со мной тогда? Ничего, наверное, не было бы... Я просто иногда вспоминал бы о ней, о той странной незнакомой девушке, прокручивая вновь и вновь её образ, пока он не начал постепенно стираться и со временем ни исчез совсем. Но... она под села.

Зазвонил её мобильник громкой дурацкой мелодией. Она подняла трубку, и тогда я впервые услышал её голос... Низкий, с хрипотцой, совсем не девичий. Говорила девушка негромко, и разговор был слишком короткий, чтоб я смог разобрать, с кем и о чём она говорит. Но разговор был неприятный. Почему? Наверное, потому, что после отчётливого «Да пошёл ты!» она отключила телефон. Потом окинула

грустными глазами автобус, спокойно прошла и села рядом со мной.

Вот она сидит рядом. И что дальше? Заговорить? Что сказать?..

Мои размышления прервал её вопрос:

– Куда едешь?

Это было так странно. Она обращалась ко мне на «ты» не смотря на то, что мы были незнакомы... Да ещё с таким странным вопросом.

«На работу, – просто ответил я и потом, помешкав, добавил. – А ты?»

«А я... – девушка ненадолго задумалась. – а меня парень бросил»

«Сочувствую,» – вырвалось у меня. Хотя нет, я не сочувствовал.

«Не сочувствуешь, – фыркнула моя спутница и, посмотрев в окно, спросила. – Пошли, прогуляемся, а?»

«Что?» – я не был уверен, что правильно расслышал последнюю фразу.

«Гулять пошли!» – её глаза посмотрела на меня. Лицо было таким детским, но в то же время по-взрослому сосредоточенным. Глаза голубые... Даже сейчас, закрывая глаза, я помню их. Всегда буду помнить...

«А ты не боишься гулять с малознакомыми парнями?» – у меня вырвалась усмешка.

«Я Аня,» – отрезала она и продолжала всё так же серьёзно

смотреть, ожидая ответа на вопрос.

«И где гулять будем, Аня?» – я сделал вид, что не задавал предыдущего вопроса.

«Где хочешь. Если есть деньги, то пошли в кафе или кино. Если нет, то просто по улице погуляем, – она снова посмотрела в автобусное окно и добавила. – Хотя на улице сегодня холодно»

И вот опять. В тот момент я мог просто послать её и поехать на работу. Но я её не послал... Я посмотрел на часы. То, что мне давно следовало быть на работе, меня почему-то не остановило.

«Пошли,» – ответил я.

Мы вышли на следующей остановке. Я повёл её в кафе.

Наше первое свидание. Первое и единственное. В кафе она вела себя тихо, не сказала и пары слов. Попросила кофе с молоком и всё. Я тоже молчал и неловко себя не чувствовал. Я просто смотрел не неё, а она смотрела в чашку. Рыжие волосы... Странно, такие рыжие волосы, а веснушек совсем нет. Цвет лица белый и ровный. Аня допила свой кофе, потом достала телефон и начала ковыряться в нём, игнорируя меня, словно меня рядом и не было.

«В школу-то не опоздаешь?» – я нарушил долгую паузу.

Не сводя глаз с телефона, она ответила: «Нет, сегодня там стрёмные уроки... А ты не опоздаешь на работу?»

Я посмотрел на часы – уже опоздал.

Моя спутница вдруг отложила телефон и с любопытством

установилась на меня. Смотрела долго и пристально – изучала...

«А тебе сколько лет?» – наконец с прищуром спросила она.

«Много,» – на моем лице появилась еле заметная улыбка.

«Двадцать?» – не унималась девушка.

«С хвостиком,» – чуть шире улыбнулся я.

«Двадцать три максимум, – небрежно сказала она и вдруг потребовала. – Покажи руки!»

– Зачем?

– Ну, просто, покажи.

Я протянул ей правую ладонь. Она взяла её в свои руки. Они были холодными. Может, поэтому по всему моему телу прошла дрожь... Аня вертела мою ладонь и так и сяк, рассматривала её, потом отпустила, посмотрела на меня и вдруг засмеялась.

«Что такое?» – не поняв её реакции, улыбнулся я.

«Жизнь ждёт тебя плохая,» – ухмыльнулась девушка.

«А ты что ли гадалка?» – я посмотрел на свою правую ладонь, но не увидел там ничего кроме чудного переплетения линий.

«Нет, – она вдруг перестала смеяться и серьёзно посмотрела мне в глаза. – Со мной встретился, поэтому жизнь тебя ждёт плохая».

«А я не боюсь неприятностей,» – наступила моя очередь ухмыляться.

«Да? – вдруг в глазах её загорелся неподдельный интерес. – Тогда... пошли ко мне в гости».

«Зачем?» – мне было немного дико видеть столь странную, раскованную и в то же время столь юную девушку. Но, что лукавить, я бы хотел пойти к ней, очень...

«Кино посмотрим,» – хитро улыбнулась Аня.

«А родители против не будут?» – мне было тяжело не выдать своей заинтересованности.

«Нет, – она стала рыться в сумке в попытках что-то найти. – Нет, не будут. Нет их, а бабка в больнице».

Хм... Зачем она меня зовёт? Слишком молодая, чтобы завязывать мимолётные знакомства. Хотя сейчас молодёжь достаточно развязная... Нет, не пойду.

«Пошли,» – ответил я

Она жила в маленькой двушке, в центре. Комната у неё была детская и неряшливая... Кровать, стол, компьютер, шкаф, куча мягких игрушек и маркеров, разбросанных по столу, сердечки на стенах, плакаты с абсолютно неизвестными мне актёрами и певцами...

Она бросила сумку на кровать, свою и мою куртку – в шкаф.

Потом прямо при мне начала переодеваться... Я отвернулся. Переодевшись, она забралась с ногами на кровать и постучала рукой по месту рядом с собой, мол, садись... Я сел.

«Ну что? – хитро сказала Аня. – Кино смотреть будем?»

«А что за кино?» – я всё ещё находился в лёгком недоумении.

«Про любовь! – девушка вдруг засмеялась... – Да что ты за человек такой странный? Делаешь вид, что ничего не понимаешь. Любой бы понял!»

«А я не любой,» – спокойной ответил я, хотя всё уже прекрасно понимал...

«Да? – в её глазах опять загорелся огонёк любопытства. – Ну, тогда, Нелюбой, я упрощу твою задачу...»

И она меня поцеловала... И тут... Тут мне надо было бежать... Уйти из этой квартиры, забыть всё как сон. Но я этого не сделал. Я остался. На сутки. На самые прекрасные сутки в моей жизни.

Следующим утром я проснулся рано. Позвонил на работу, сказал, что вчера болел, а сегодня обязательно приеду. Стал собираться. Она спала.

Растрёпанные рыжие волосы на подушке... Я одевался, смотрел на неё спящую и вспоминал сегодняшнюю ночь. Вспоминал, как она в длинной футболке на голое тело сидела на подоконнике и курила. Как думала о чём-то снова в своём мире, там, где весна... Мне нет туда ходу, никому нет... Она не была разговорчива со мной. Иногда, делая хитрый взгляд, она задавала каверзные вопросы, детские, милые... Беспечные... Она даже не знала, как меня зовут, а я не знал, сколько таких, как я, побывало в этой её комнате, в этой её постели. Да и не хотел знать... Никогда не был романтиком, но сей-

час мне хотелось осыпать её цветами, посвятить ей песню, достать с неба звезду... Это было странное чувство, незнакомое, трепетное... Сейчас я уйду, а что дальше? Вернусь? Нет... Я ей не нужен, ей никто не нужен. Там в её мире нет никого кроме неё и весны, и ей этого хватает... От того, что, возможно, это последние минуты с ней, внутри у меня застыло что-то, заныло, зацарапало когтями. Я поцеловал её спящую. Она не проснулась... Пробормотала что-то и перевернулась на бок, лицом к стене. Оставить ей записку? И что там писать?.. Нет. Просто уйду, будто меня и не было... Я последний раз взглянул на неё. Как же я не хочу уходить... А что мне остается? Никогда не навязывал своё общество, не буду делать этого и сейчас... А вдруг это судьба? Будь мне пятнадцать, как и ей, поверил бы... Но я старше и умею различать судьбу и мимолётную связь... Я тихо захлопнул дверь. Я ушёл.

Весь день на работе я не мог найти себе места. Никогда не был разговорчивым, а тут вообще за целый день не сказал ни слова. В семь я вернулся домой, в мою пустую однокомнатную квартиру, которую снимал уже год.

Включил телевизор. Выключил. Пошёл на кухню и закурил одну, потом другую. Я не знаю, какая неведомая сила заставила меня вскочить и бежать. Бежать к её дому.

Вот подъезд, вот дверь. Звонок... Позвонить? Зачем я вообще сюда пришёл? Ну, допустим, я позвоню. И что дальше? Она откроет и бросится мне на шею? Наверное, я был кон-

ченным идиотом, но в глубине души я верил, что именно так и будет. Так и будет... Я позвонил. Она открыла не сразу. Моя девочка. В футболке, той самой, в которой я её оставил. Она смотрела на меня каким-то нейтральным взглядом.

«Привет,» – тихо сказал я.

«Привет,» – сухо ответила она... и замолчала, смотря на меня и ожидая чего-то.

– Зайти не предложишь?

– Нет.

Я растерялся. Может, она обиделась на меня за то, что я так внезапно ушёл, не предупредив?

«Знаешь, – я осёкся. – Знаешь, я ушёл... Я всё испортил».

«Нет, – Аня перебила меня. – Ты всё сделал правильно, а сейчас ты всё портишь».

В душе у меня что-то треснуло, наверное, так умирает надежда.

«Значит всё?» – более тупого вопроса я не задавал никогда.

Она вдруг расхохоталась. Смеялась долго, а в душе моей почему-то закипала обида...

«Какой ты всё-таки странный, – сказала Анна, всё ещё смеясь. – Мы просто переспали».

Лицо девушки стало вдруг серьёзным.

«Мы, просто, переспали, – повторила она отчётливо, словно я был глухим. – А ты себе что-то навывдумывал как маленькая девочка?»

Я молчал...

«Или, – вдруг задумчиво сказала она. – Ты пришёл за продолжением?»

«А если так?» – вырвалось у меня, а внутри творилось что-то непонятное...

«Иди, куда шёл,» – ответила она и захлопнула дверь.

В тот момент, я хорошо его помню, я почувствовал себя грязью, пылью, дерьмом, дураком... Ужасное чувство. Быть ненужным. Быть использованным морально. И винить можно было только себя. Как? Как я мог подумать? Как надеяться? Как это вообще со мной произошло? Я – взрослый парень. Я – разумный человек. А повёл себя как глупый мальчишка. Откуда это всё? Злость и обида просто душили меня, разъедали изнутри. Внутри всё жгло, невыносимо жгло. Это приходило ко мне страшное осознание того, что произошло. А произошло то,.. что я влюбился. Влюбился в человека, которого совсем не знаю. Возможно ли такое? Это же бред. Мозг отказывался это понимать и признавать, но это происходило на каком-то генетическом уровне. Неведомая, страшная сила тянула меня к ней, к этой маленькой, ветреной, загадочной девочке. Спустя годы я понял, что, наверное, я полюбил её за ту самую загадочность, ветреность, непохожесть... Эта влюбленность была раком, опухолью во мне, растущей с огромной силой каждую минуту. Но, как болезнь, кроме боли и страха она не могла принести больше ничего. Понимал ли я это тогда? Может быть. Но, скорее всего нет. Мой

мозг был затуманен, я был морально парализован. Я перестал что-либо понимать. Хм... Может, я даже стал как она – нашёл свой мир. И моим миром стала она – моя девочка...

Глава 2. Забвение

Я пил неделю, меня чуть не уволили... Приходили парни с работы, пытались понять, что со мной происходит. Я ничего им не рассказал. Зачем? Они бы не поняли. Может, даже посмеялись бы.

Я пил до белой горячки. В моих видениях она сидела со мной на кухне, сидела и смотрела на меня... Потом смеялась... Потом исчезала... Наверное, я так бы и подох, бухой, в пустой квартире этим ноябрьским вечером. Но приехал отец и отвёз меня в больницу. Я провалялся там месяц.

Приходила мать. Плакала. Спрашивала, что случилось. А я молчал. За этот месяц я не сказал ни слова.

Перед самой выпиской ко мне пришёл отец. Он сел на стул рядом с койкой, долго молчал. Я знал это молчание. Он делал так всегда перед тем, как устроить мне выговор. Словно собирался с мыслями...

«Тебе мать не жалко?» – наконец спросил отец.

Я молчал.

«Всё из-за бабы, да?» – я знал, что сейчас он смотрит на меня, поэтому и не поднимал глаз.

«А ты знаешь, что тебя чуть не уволили? – голос стал звучать громче. – Я еле договорился с твоим начальником. Хорошо, что мужик нормальный попался. Ты тут из-за баб пьёшь, а я за тебя бегаю, суечусь. И какой после этого ты

мужик?»

«Спасибо, папа,» – тихо ответил я.

Это его озадачило. То ли потому, что я впервые заговорил за месяц, то ли потому, что мой голос звучал как-то странно.

Он выдержал паузу, а потом спросил:

«Что она сделала? Изменила?»

«Нет,» – не хотел говорить об этом с отцом.

«Ладно, – отец вздохнул. – На работу тебе через две недели, я договорился... А пока... приведи себя в порядок»

Он ушёл. А я думал. Думал о том, как мне жить дальше, и хочу ли я дальше жить. И как такое могло случиться со мной. И со мной ли это всё было? И было ли это вообще.

Почему из тысячи молодых людей такое безумство случилось именно со мной. Почему? Может, это не то, что я думаю. Может это влечение? Страсть? Эти чувства такие странные, такие похожие... Порой, по молодости их можно спутать с чем-то другим. С любовью. Может, и я спутал... Я копался в себе с изощренным мазохизмом. Что я чувствую к ней? Какие картины рисует мой измученный мозг, когда ночью шёпотом я произношу её имя?..

Вот она лежит на кровати, обнаженная, шторы не запахнуты, и лунный свет струится по её телу... В кого я превратился? В кого она меня превратила? Откуда взялись эти сопли? Я никогда не был романтиком. А теперь я жалок!

Её запах... Это запах сигарет и каких-то духов, отдающих свежестью моря. Я помню как пахли её волосы, её губы. И то,

что они шептали мне той самой ночью. Это слишком личное, чтобы я писал об этом. Это останется со мной, только со мной. Я помню её глаза... Улыбку, голос. Я был счастлив. И это не то счастье, что я испытывал раньше... То было лишь подобие, пробник счастья. А то, что я испытал, находясь рядом с ней... Дай Бог каждому испытать такое же хоть раз в жизни, пусть даже такой ценой как у меня. Когда она спала, я смотрел на неё, и мне было так хорошо, так легко.

Сейчас я понимаю, что совершил что-то ужасное. Ей было пятнадцать, мне – двадцать один. Это статья. И судьи не поняли бы меня, не поняли бы того, что я любил её.

Конечно, откуда им понять, каково это – увидеть и сразу полюбить... У многих из нас холодные сердца... У многих...

Прошёл месяц, а моя боль не утихала. Она всё сверлила меня изнутри. Сильно. Больно. Я много курил, мало спал, думал о ней.

Пить я больше не хотел. Мне сейчас немного стыдно, но в те моменты, наверное, я малодушно молил Бога о смерти. Я не верил, что смогу вновь так же полюбить, да я и не хотел этого...

Странно, тогда я ещё не знал, что судьба готовит мне подарок. Или это была кара?

Однажды ночью я проснулся от звонка сотового телефона. Номер был незнакомый, и я скорее всего просто бы сбросил звонок и выключил телефон. Но какая-то неведомая сила заставила меня поднять трубку. Может, это было пред-

чувствие?

Я услышал её голос.

«Алло,» – тихо сказала она...

Я не верил своим ушам. Подумав, что сплю, я даже ущипнул себя...

«Алло-алло,» – повторила Анна, и только тогда ступор отпустил меня.

«Да,» – ответил я и почувствовал, как бешено забилось моё сердце.

«Привет, – тихо сказала она – Не спишь?»

«Нет,» – почему-то я говорил шёпотом.

«Помоги мне,» – вдруг тихо попросила Аня дрожащим голосом.

«Что случилось?» – мне вдруг стало страшно, страшно за неё.

«Забери меня отсюда. Мне больше не к кому обратиться,» – голос её дрожал...

«Где ты?» – взволнованно спросил я.

«Я не знаю, – она вдруг заплакала – Мы поехали с друзьями к своим знакомым... Все подружки ушли по домам, а я осталась... А сейчас я закрылась в ванной, и они меня не выпускают. Мне страшно. Помоги мне, пожалуйста!»

Я слышал, как у неё начиналась истерика...

«Успокойся, – вскочив с кровати и начал собираться... – Постарайся вспомнить, где ты.»

«Я не знаю-ю-ю-ю...» – она уже рыдала...

«Так, твои подружки, с которыми ты ехала, знают адрес?» – я был уже обут и натягивал куртку...

«Может... – прошептала она – Я сейчас перезвоню».

«Стой!» – крикнул я, но не успел – звонок завершился.

Через секунду она позвонила мне и продиктовала адрес.

Дом оказался на отшибе города, не в очень хорошем районе. Я не знал, сколько там человек, в той злополучной квартире. Мне было все равно. Я тарабанил в дверь минут пять... На лестничную клетку вышла соседка, стала ругаться, что-то орать про милицию. Плохо помню, что она говорила – было как в тумане. Дверь мне открыл бичеватый парень, либо бухой, либо обкуренный.

«Чё? Ты кто?» – пробормотал он.

Как я не убил его?..

«Девушку верните,» – прорычал я, наседая на него, стараясь войти в квартиру

«Чё те надо? Какую девушку? Ты чё?» – он загораживал мне проход...

Я рванул вперёд. В это время я услышал пронзительный крик соседки. Она кричала опять что-то там про милицию.

Из коридора вышел ещё один парень, он был более трезвый.

«Так спокойно, ребятки. Что случилось?» – деловито спросил он.

«Да вот пришёл какой-то хрен, какую-то девушку требует. Эта дура про милицию орёт,» – обкуренный кивнул в сторо-

ну соседки...

«Спокойно, милиции не надо, – ответил второй и обратился ко мне – Что тебе надо? Какая девушка?»

«Которая в ванной закрылась,» – ответил я...

Обкуренный посмотрел на своего друга.

«Это та... су... Короче, давай. Зови её. Милиции нам из-за неё не хватало,» – сказал он своему приятелю.

«Я сам за ней схожу,» – ответил я.

Я не думал в тот момент, что, когда я зайду, дверь за мной могут закрыть. И, что к тому времени, когда придет милиция, вызванная бдительной соседкой, мой изрезанный труп уже остынет.

Я зашёл в квартиру. Типичный притон...

«Слышь, Аня! За тобой пришли!» – заорал обкуренный в дверь ванной... Там всё было тихо...

«Открой,» – потребовал я.

Через минуту она открыла дверь. Моя девочка была испуганная, заплаканная, она бросилась ко мне. Я плохо помню, как мы вышли из квартиры. Плохо помню, что кричала нам в след соседка. Но слово «шалава» там точно было. И в её словах была доля правды. И я это понимал, но мне было всё равно. Я был счастлив... Снова... Она рядом... Я ей нужен...

Я поймал такси, мы сели на заднее сидение.

«Куда ехать?» – спросил водитель восточной внешности.

Я посмотрел на Анну: «Куда тебя отвезти?»

Она молчала и тупо смотрела перед собой. Тогда я поду-

мал, что это шок.

Я продиктовал таксисту адрес её дома. Я его хорошо запомнил ещё тогда, когда тем злополучным вечером ходил к ней.

Было около четырёх утра, когда мы приехали к её дому. Я расплатился с таксистом, взял мою девочку за руку, и мы зашли в подъезд. Я довёл её до двери.

«Открывай, заходи и закрывайся, – сказал ей я. – Бабушки нет?»

Она молчала...

«Аня, ты меня слышишь?» – я уже стал беспокоиться за её моральное состояние. Надо сказать, я боялся. Я не знал, что они с ней сделали до моего приезда и сделали ли. Но спрашивать не хотел. Боялся неправильной её реакции. Мало ли, как она могла отреагировать.

«Останься,» – вдруг сказала она и посмотрела на меня.

«Ты этого хочешь?» – внутри у меня что-то подскочило. От радости, наверное...

«Да,» – тихо сказала Анна.

Она открыла дверь дрожащими руками. Потом прошла на кухню и поставила чайник. Потом прошла в ванную комнату и заперлась там.

Я подошёл к двери и прислушался. Раздавался только шум воды и слабое грохотание какими-то баночками. Но я всё же спросил: «У тебя всё хорошо?»

Вода смолкла, защёлка звякнула, дверь приоткрылась. Че-

рез дверной проем она высунула голову. Волосы были мокрые, по лицу растеклась тушь то ли от воды, то ли от слёз... Она внимательно на меня посмотрела, а потом сухо сказала:

– У меня всё хорошо, не стой над дверью. Вены я себе резать не собираюсь.

«Не сегодня,» – добавила она и ухмыльнулась.

Потом громко захлопнула дверь и снова включила воду.

Я прошёл на кухню, выключил чайник. Нашёл две кружки в раковине, помыл их, нашёл чай. Заглянул в холодильник, но там кроме масла и майонеза не было ничего.

На окне в вазочке стояли сушки. Я вытер со стола и поставил на него две чашки с горячим чаем и вазочку с сушками. Потом сел на стул, закурил и стал ждать...

Жизнь всё-таки странная штука. Что она даёт нам? То, чего мы так хотим, или то, что нам нужно? А что мне было нужно до знакомства с ней, с моей девочкой? Я задумался. Жизнь мою нельзя было назвать интересной, она была обычной, наверное.

Закончил школу с тройкой. Поступил в техникум на оператора ЭВМ, потом бросил его к чертям, пошёл в училище. Стал водителем. Родители были вне себя. Отец заставил-таки доучиться на оператора. Потом заставил поступить в институт на такую специальность, название которой я даже не помню. Всё они с матерью хотели сделать из меня инженера. Вообще они часто лезли в мою жизнь. Я долго терпел, но когда мать стала говорить мне, что хочет, чтоб я женил-

ся, это стало последней каплей. Я не выдержал и переехал на съемную квартиру. Потом нашёл работу в одной небольшой конторке по ремонту бытовой техники.

Работал, на жизнь хватало. Учился на заочке, потом всё-таки бросил. По выходным ходил за продуктами, пил пиво, смотрел футбол, иногда приходили друзья, но это редко. Вообще, наверное, по своей натуре я был и останусь одиночкой. Замкнутым, спокойным... Мне так проще. Были ли у меня девушки? Была. Одна. Ничего серьёзного, так ещё в училище. Это было скорее «надо», чем большая любовь. Через полгода мы поняли, что всё это бессмысленно, и расстались без особых проблем. И жил бы я так и дальше, жил-не тужил... Но вот появилась она. Как ураган всё смела и перевернула в моей жизни, в моей душе... Зачем? Я не знаю, но я рад. Я счастлив. Я полный идиот...

Дверь в ванную приоткрылась. Она вышла с полотенцем, обмотанным вокруг головы, а второе полотенце прикрывало её тело... Она плюхнулась на стул и жадно отхлебнула чаю.

«Готовить умеешь?» – спросила она.

«Немного,» – ответил я.

«Отлично! – она взяла из вазочки сушку, откусила кусок, чуть пожевала, потом сморщилась и выплюнула пережёванный кусок сушки в руку. – Гадость... Хорошо, что умеешь готовить, а то пока бабушка в больнице, я тут совсем с голоду помру».

«А что с бабушкой?» – осторожно спросил я.

«Да так... – Аня задумалась. – Что-то старческое, либо я её окончательно довела».

Странная она... Полчаса назад слово из неё вытянуть было нельзя, а теперь ведёт себя так, будто ничего не случилось...

«Как ты себя чувствуешь?» – осторожно спросил я.

Девушка посмотрела на меня. Смотрела долго и молчала. Это был странный взгляд, страшный...

«Я чувствую себя ужасно... – вдруг сказала она. – Никогда больше не задавай мне этот вопрос. Ответ всегда один и тот же. Я – дерьмо. Была, есть и останусь навсегда. И, если ты пытаешь надежды по поводу того, что я несовершеннолетний ангелок, то брось! Я – последняя тварь и ничего с этим поделать не могу, и мне от этого плохо. Каждый день своей жизни я прошу у Бога только об одном, чтобы он эту жизнь у меня забрал. Но, как видишь, я всё ещё здесь. И чувствую, что пробуду здесь ещё достаточно долго, чтобы испортить жизнь всё большему и большему числу людей. Я лгунья, эгоистка... Я курю, и порой не только простые сигареты, пью, и порой не простое пиво. И кроме того, кроме того я... шалава. Я уже и не помню всех тех, под кого ложилась. Порой это были тупые, бухие и обкуренные уроды, которым надо было около минуты попыхтеть и успокоиться. А я это знала, знала, что они меня считали грязью, шлюхой малолетней, и всё равно я под них ложилась. Так что дерьмово я себя чувствую, понял?»

Я молчал. Это был шок? Да нет, она просто сказала то, что я боялся услышать. То, что знал. Но я не испытал к ней отвращения. Жалость? Да нет. Я просто понял, что я её люблю... И мне всё равно. Я должен ей это сказать, сейчас. И будь, что будет.

«Знаешь, я...» – мне не удалось договорить. Аня вдруг разразилась громким хохотом...

Она смеялась долго, из глаз её потекли слезы. Сквозь этот дурацкий хохот она всхлипывала что-то невнятное.

«Ты... Ты бы видел свою рожу сейчас, – Аня говорила урывками. – Ты поверил? Купился? Вот, дурак... Какая актриса во мне пропала! Как я играю. Оскара мне!»

Она продолжала смеяться, а я снова почувствовал себя дураком. Это чувство стало посещать меня всё чаще и чаще после знакомства с ней.

«Зачем ты так делаешь?» – во мне кипела обида.

Аня посмотрела на меня своими большими, немного детскими глазами.

«Как так?» – заинтересованно спросила она.

«Ну так, смешиваешь меня с грязью,» – хмыкнул я.

«Я? – она искренне удивилась – Это же ты сам позволяешь мне так делать. И вообще ты какой-то аморфный. Ты хоть бы психанул хоть раз, наорал, ударил. Какая-то сопливая малолетка об тебя ноги вытирает, как о тряпку последнюю, а ты уши развесил и рад. Как не мужик прям»

«Угум... – я уставился в окно. – Было б лучше, чтоб я

тебя бил?»

«Не бил... – задумчиво ответила она. – А не потакал и не проглатывал всё то, что я делаю».

«Я люблю тебя...» – вдруг вырвалось у меня. Сам не знаю, как так получилось. Словно не я, словно кто-то другой выкрикнул это. Зря, конечно. Теперь она точно прогонит меня, навсегда. Ну и пусть. Я поднял глаза и посмотрел на неё. Боже, как она красива... Я правда, тряпка, видимо. Но, когда она рядом, что бы она ни говорила мне, какие бы гадости в мой адрес ни произносила, пусть она даже сказала бы, что ненавидит меня, я бы все равно не смог разозлиться. Она как ангел. Мне страшно. Сколько ей лет? Семнадцать? Пятнадцать? В её лице удивительно сочетается детская непорочность и нежность с коварством и обаянием взрослой женщины. Ангел ли она? Может, дьявол? Нет, скорее маленький бесёнок. Но я люблю её.

Аня долго смотрела не меня. Молча. Потом встала, взяла с одной из кухонных полок сигарету, села, подожгла её. И не курила, нет... Она просто долго смотрела на огонь, на тлеющий огонек... Пепел падал прямо на стол, но она не обращала внимания. Как затуманенные её глаза смотрели на огонь. Тогда это показалось мне немного странным, это её состояние отрешенности, но я не придавал ему особого значения. Тогда я списал это на её нежелание отвечать мне на мою реплику и все. Когда я уже перестал надеяться на ответ, она вдруг сказала:

– Ты любишь мороженное?

Я опешил. Она вообще слышала, что я сказал? Она вообще понимает, что происходит? Опять издевается? И тут в голову мне пришла мысль о том, что её реакция вполне нормальна. Да, для меня она – это маленький мир, мой маленький и самый интимный уголок моей души. Я её люблю. Да, Боже, я люблю её. Я не знаю, как так произошло и не хочу знать. Только меня внутри так и распирает, когда я смотрю на неё. Эти её ямочки на щеках. Этот её голос. Я чувствую себя щенком, который готов лаять и визжать от радости при виде своей хозяйки. Говорят, любовь делает человека уязвимым. Это не так. С одной стороны она делает тебя сильнее, осторожнее, может, даже злее, ведь теперь ты в ответе не только за себя, но и за нее. Мысль о том, что кто-то мог её обидеть вызывала во мне огнедышащий гнев. Мне даже кажется, я смог бы убить того, кто обидел бы её... Это с одной стороны. Со стороны внешнего мира. А с другой... С другой стороны, с той стороны, с которой она смотрит на тебя, ты превращаешься в вафлю, в нежное талое мороженное... Мороженное... Да что бы она ни сказала, чтобы она ни сделала, я же все ей прощу... Это так страшно... Моя мужская гордость вдруг съежилась как чернослив. А эта маленькая девочка наступила на неё и продолжает наступать. Она ведь не любит меня. Боже, как ножом по сердцу эта мысль... Она не любит меня... Но сердце оно ведь глупое, оно верит и надеется. Почему я сейчас здесь? Всё просто... Сердце верит...

Раз я ей нужен, может, все изменится и она... полюбит меня. Какой же я дурак.

«Да, – слабо улыбнулся я. – Да, я люблю мороженное...»

Аня смешно наматывала свои волосы на палец...

«А какое?» – она сделала хитрое лицо...

Если честно, я не помню, о чем мы говорили в этот вечер, вернее в эту ночь... Мы просто болтали как старые друзья. Она много смеялась, что-то там тараторила, кривлялась... А я, я просто смотрел на неё... Уже тогда я знал, что именно такой я её и запомню на этой старой, странной, одинокой кухне... Предчувствие. Странное, щемящее предчувствие терзало меня уже тогда. Но оно было таким тихим-тихим, как писк комара.

Она уснула на моих руках в ту ночь... Блин, мне хотелось плакать от счастья... Как это мерзко. Мерзко не то, что я хотел плакать, а то, что мне не было стыдно за это. Отец учил меня, что мужики не плачут. Я терпеть не мог смотреть те фильмы, где главный герой пускал нюни по поводу и без повода. Слезы – это прерогатива женщины. И только женщины. Мужчина не плачет. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Ни при ком-то, ни один. Я смотрел на её безмятежное детское лицо и думал, как же она красива... Если бы мне разрешили, я бы так сидел всю свою жизнь. Но это невозможно. Утром она проснется, посмотрит на меня и прогонит... Или попросит остаться? Если бы второе...

Под утро я все же уснул и довольно крепко. Мне сни-

лись кошмары. Будто я нахожусь в каком-то старом доме. Он пуст, заброшен, там никого нет. Что я делаю здесь? Я ищу кого-то... Этому человеку нужна помощь. Я нервничаю. Я боюсь опоздать. Вдруг... Я слышу чей-то голос... Это её голос... Она зовет меня. Моя девочка... Но где же она? Я иду туда, откуда она зовет меня. Но чем ближе я подхожу, тем дальше удаляется голос. Я не вижу её, лишь иногда рыжие волосы мелькают за поворотом очередного лестничного пролета... Голос стихает. Неужели я потерял её? Меня вдруг охватывает дикий страх, паника... Я бегу... Я ничего не вижу... Я хочу только одного – найти её... Я останавливаюсь. Вдруг прямо у себя за спиной я слышу её смех... Оборачиваюсь...

Будильник разбудил меня достаточно бесцеремонно. Я подскочил и по привычке повернулся направо, к тумбочке, где я обычно оставлял телефон с будильником. Но тумбочки там не было... Я осмотрелся. Я не дома. Память вернулась мгновенно, и первым вопросом в моей голове стал: «Где Аня?». В комнате её не было.

Я встал. Ноги были ватными. Затекли просто. Доковылял до кухни. Аню я там не нашел, но нашел записку... Она предназначалась мне. Она содержала всего три сухих предложения:

«Иди домой. Если хочешь, ключи тебе. Не приходи. Если что, я позвоню».

Ключи лежали рядом на столе... Она опять... Как же

это... Боже, за что? Мне стало как-то гадко... Она пользуется мной. Смеется. Я не ждал кофе в постель с утра, но хоть что-то можно было мне написать... Хоть что-то, выражающее эмоции... А не это... Зачем она так со мной. Испытывает моё терпение? Зачем? Или я просто так? Поиграться? О чем она думает? Я бы все отдал, чтобы понять, о чем она думает. Понять, кто она... Мой разум говорил мне единственное правильное решение – бежать, бежать от нее, от этого дома. Забыть все о ней, о нашей встрече и самое главное – ни в коем случае не брать эти ключи... Но это разум. Что такое разум по сравнению с сердцем. С моим дрожащим сердцем... Эти ключи – шаткая, едва уловимая возможность... Шанс... Я смогу снова увидеть её... Но зачем? Зачем это все? Это же ни к чему не приведет. Зачем я рву себе душу... Ради чего всё это? Домой... Надо идти домой...

Я не знаю, как я смог заставить себя уйти и не взять ключи. Я не знаю, какая сила двигала мной, когда я удалял её номер телефона из своего мобильного. Внутри все жгло, орало, верещало, как умирающий дикий зверь оно царапалось, цеплялось за что-то. Но рука моя не дрогнула. Я стер все, что мог. Я не взял ключи. Но я не смогу стереть из памяти её адрес, ее лицо, её глаза. В этот момент я мечтал потерять память, чтобы не помнить. А может, даже рассудок, чтобы не думать.

Я шел по улице... Было раннее утро. Выходной. Пустынно... Город просыпался... Шел противный мелкий снег.

Но он приносил мне облегчение, как ни странно... Я шел мимо парка. Остановился. Достал сигарету, закурил. Почему? Почему жизнь такая странная штука... Разве я многого хочу? Я может просто был бы счастлив от того, что гулял бы летом с ней по этому парку. Она бы ела мороженное. Вымазала бы себе нос. Смеялась. Разве это так много?... Я не прошу ни денег, ни славы, даже здоровья не прошу... Прошу только её. Видимо мы всегда хотим того, чего у нас нет и, наверное, никогда не будет...

Я пришел домой. Открыл в дверь в квартиру, зашел. Меня вдруг накрыла такая неопишуемая тоска... Как какое-то наваждение. Мой мозг издевался надо мной. Я вдруг отчетливо представил, как она встречает меня после работы. Как мы ужинаем на кухне какими-то невкусными пельменями. Как смотрим вместе телевизор, как я обнимаю её... Как она смотрит на меня... Прямо мне в глаза... В этот момент мои глаза предательски защипали. Да что же это такое? Тоска сменилась душераздирающей болью где-то внутри меня... Ужасная боль... Хуже физической... Мне нужно было чем-то её остановить, и я начал крушить дом... Я плохо помню себя в тот момент. Когда я огляделся потом, вся комната была перевернута. Я сел посередине... Я забуду её... Тогда я это твердо решил... Я её забуду...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.